

Посвящаю Пэдди, Остину, Гриффину и Киа.

*Если сама вечность даст трещину,
вы все равно будете здесь.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я два часа кружил над Мурманском, но русские так и не дали нам приземлиться.

— В разрешении на посадку отказано, — сказал диспетчер с русским акцентом, как у мистера Чехова из старого сериала «Звездный путь».

Я не знал, был ли этот диспетчер фанатом Iron Maiden, но уверен, он ни за что бы мне не поверил. Рок-звезда подрабатывает пилотом воздушного судна — невероятно. В любом случае, у меня не было с собой фигуры Эдди на борту, и летел я не на нашем фирменном самолете Ed Force 1. Это была рыбацкая экспедиция.

«Боинг 757» из Astraeus Airlines с двумя сотнями пустых сидений и мной в качестве старшего пилота. Там было всего двадцать пассажиров, летевших из Гетвика в Мурманск. Большинство из них носили имя Джон Смит, и они были бдительными личными телохранителями, вооруженными до зубов. Не то чтобы лорд Хезелтайн действительно в этом нуждался. Он и сам мог неплохо помахать дубинкой, когда в этом возникала необходимость. Еще там был Макс Гэстингс, бывший редактор Daily Telegraph. Он тоже летел вместе с нами. Я задался вопросом — читал ли русский диспетчер¹ хоть одну из его колонок на первой полосе. Думаю, нет.

— Что за рыба водится в Мурманске? — спросил я одного из Джонов Смитов.

— Особенная рыба, — невозмутимо ответил он.

— Большая? — предположил я.

---

¹ В оригинале Брюс Дикинсон, говоря о России, употребляет слово «советский», что, конечно же, является ошибкой (*прим. перев.*).

— Очень большая, — обронил он, выходя из кабины.

В Мурманске располагался штаб российского Северного флота. Лорд Хезелтайн был бывшим министром обороны, а Макс Гэстингс знал практически все о вооруженных силах всего мира. Если чего-то не знал, значит, оно того и не стоило.

Раскинувшийся под нами мир был таинственным и смутно различимым под ватным балдахином из низких облаков. Для переговоров у меня имелись рация и старенький мобильный телефон Nokia. Невероятно, но он принимал сигнал в течение половины каждого круга, что самолет делал над аэропортом, так что я мог отправлять текстовые сообщения операторам нашей авиалинии, которые могли поговорить с Москвой через британское посольство. Ни спутникового телефона, ни GPS, ни айпада, ни вай-фая.

Как сказал Джеймс Бонд, обращаясь к Кью в начале фильма «Координаты Скайфолл»: «Пистолет и рация. Ну да, Рождество еще не настало, верно?»

После двух часов блуждания по кругу как в физическом, так и в психологическом смысле правила игры поменялись: «Если вы не уберетесь, мы вас собьем».

Мы развернулись и полетели в Финляндию, в городок Ивало. Я подумал: «Однажды я должен написать книгу об этом».

РОЖДЕННЫЙ В 58-М

События, которые складываются вместе, чтобы сформировать личность, взаимодействуют между собой причудливым и непредсказуемым образом. Я был единственным ребенком в семье, и до пяти лет меня воспитывали бабушка с дедушкой. Ребенок не сразу понимает, какова внутренняя динамика в его семье, и мне понадобилось довольно много времени, чтобы с этим разобраться. Я понял, что мое воспитание проходило в атмосфере, сотканной из чувства вины, безответной любви и ревности, но эти вещи перекрывали чувство долга и стремление сделать все как можно лучше. Сейчас я понимаю, что старшие не испытывали ко мне особой привязанности, но проявляли разумное внимание к деталям. Учитывая обстоятельства, все могло сложиться намного хуже.

Мать моя забеременела еще в юности и наскоро выскочила замуж за солдата, который был немного старше ее. Его звали Брюс. Мой дед по материнской линии приглядывал за их воркованиями, однако он не был ни психологически, ни морально достаточно строгим, чтобы надлежащим образом справиться с этой задачей. Подозреваю, что он тайком даже симпатизировал молодым любовникам. В отличие от бабушки, чье единственное дитя было похищено негодяем, который был даже не северянином, а чужаком с равнин и загаженных чайками пустошей побережья Норфолка. Восточная Англия: болота, болота и еще раз болота — мир, который веками служил домом для нонконформистов, анархистов, нищих, но крепких духом людей, мир нелегкой жизни, нехитрые блага которой приходилось с большим трудом вырывать из пересохшей после мелиорации земли.

Мама, миниатюрная девушка, работала в обувном магазине. Однажды она выиграла стипендию в Королевской балетной школе, но ее мать запретила ей ехать в Лондон. Вынужденная отказаться от осуществления этой мечты, она взялась за следующую, и та сбылась — на свет появился я. Я видел ее фотографию в возрасте около четырнадцати, где она стояла на пуантах. Невозможно было поверить, что эта преисполненная наивной радости, похожая на пикси¹ старлетка² — моя мать. На этой фотографии, что стоит у меня над камином, запечатлено все, что могло случиться в ее жизни, но не случилось. Потом танцы исчезли, и все, что ей оставалось, это выполнять свои обязанности — и надираться чертовым джинстиком.

Мои родители были так молоды, что я не могу сказать, что бы я делал, окажись вдруг на их месте. Смысл жизни состоял в том, чтобы получать образование и двигаться вперед, пробиваясь за пределы рабочего класса. Единственным пороком было недостаточное рвение.

Отец мой был настроен весьма серьезно в отношении большинства вещей, и он был очень упорным. Выходец из большой семьи, он был сыном деревенской девочки, проданной в услужение в возрасте двенадцати лет, и строителя, который любил разъезжать на мотоцикле и возглавлял футбольную команду в Грейт-Ярмуте. Больше всего в своей жизни отец любил автомобили и механизмы, планирование, дизайн и чертежное дело. Он любил машины и езду на них, но считал, что законы об ограничении скорости к нему неприменимы, как и положение о ремнях безопасности и запрет на вождение в пьяном виде. Потеряв водительские права, он завербовался в армию. Добровольцам платили больше, чем призывникам, а кто именно будет водить их джипы, военных, казалось, не очень заботило.

Права ему тотчас же восстановили, выдав водительскую лицензию армейского образца — а благодаря своим инженерным талантам и умелым рукам он получил работу по составлению планов на случай конца света. Сидя за столом в Дюссельдорфе, он аккуратно выводил круги, изображавшие гибель миллионов людей, которая долж-

---

¹ Пикси — крошечные создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей (*прим. перев.*).

² Молодая девушка, стремящаяся сделать карьеру в шоу-бизнесе (*прим. перев.*).

на была последовать в случае предполагаемого перехода холодной войны в ядерный апокалипсис. Оставшееся время он проводил, поглощая виски, чтоб заглушить скуку и безнадегу всего этого. Еще когда он состоял на службе, этот мускулистый чемпион Норфолка по плаванию произвел сногшибательное впечатление на мою маму, которая была тогда похожа на беспризорную балерину.

Как нежеланный отпрыск человека, что похитил из лона семьи ее единственную дочь, в глазах своей бабушки Лили я олицетворял исчадие Сатаны, но для дедушки Остина был почти что его собственным сыном. В течение первых пяти лет моей жизни они были фактически моими приемными родителями. По меркам раннего детства это было вполне прилично. Мы подолгу гуляли в лесах, ковыряли кроличьи норы, встречали живописные равнинные зимние закаты и любовались мерзлыми сугробами, мерцающими под лиловым небом.

Родители мои проводили время, колеся из одного ночного клуба в другой, где они зарабатывали деньги, показывая шоу с дрессированными собачками — обтягивающие цирковые костюмы, прыгающие сквозь обруч пудели. Поди разберись.

Цифры 52 на номерной табличке нашего дома по Мэнтон-Кресент были выкрашены белой краской. То был стандартный кирпичный муниципальный жилой дом, стоявший впритирку с другими. Дед мой трудился в глубокой шахте Мэнтонского угольного прииска.

Он был шахтером с тринадцати лет. Слишком маленький, чтобы работать легально, он хитро и бесцеремонно лгал о своем возрасте, а также о росте, который, как и у меня, был не очень высоким. Чтобы обойти правило, гласящее, что «работник является достаточно высоким для спуска в шахту, если висящий у него на поясе фонарь не касается земли своим шнуром», он просто завязал на шнуре пару узлов. Дед был близок к тому, чтобы отправиться на войну, но дошел только до садовой калитки. Он был членом Территориальной армии, работая там волонтером на полставки, но, поскольку профессия шахтера давала освобождение от призыва, сражаться на фронте ему не пришлось.

И вот он стоял, одетый в форму и готовый отправиться воевать во Францию вместе со своим взводом. То был один из моментов в духе фильма «Назад в будущее» — моментов, определяющих последующие события. Стоило ему тогда отворить калитку и отправиться на войну вместе со своими товарищами — и многое в будущем могло не

случиться, включая мое рождение. Бабушка стояла рядом, вызываясь скрестив руки на груди. «Если ты уйдешь, черт возьми, то когда вернешься, меня здесь уже не будет», — сказала она. Он остался. Большая часть его полка так и не вернулись домой.

Благодаря тому что дедушка был шахтером, мы получили муниципальный дом и бесплатную доставку угля, а искусство розжига, дарившее нашему дому тепло, сделало меня пироманом на всю оставшуюся жизнь. У нас не было телефона, холодильника, центрального отопления и внутреннего туалета. Холодильники мы одалживали у знакомых, а также у нас была небольшая кладовка, сырая и холодная. Для приготовления пищи использовались две электрические плиты и угольная печь, хотя электричество считалось роскошью, злоупотребления которой следовало избегать любой ценой. У нас был пылесос, а также мое любимое устройство — каток для белья, который при помощи двух вращающихся валиков отжимал из постиранной одежды воду. Огромная ручка приводила эту машину в действие, а простыни, рубашки и брюки прокручивались между валиками и падали в подставленное ведро.

Меня купали в переносной пластиковой ванне, а дедушка возвращался домой чистым, помывшись в рабочей душевой. Иногда он приходил из паба, испуская запах пива и лука, заползал на кровать рядом со мной и засыпал, громко храпя. В проникавшем сквозь тонкие занавески свете луны я мог видеть покрывавшие его спину синие шрамы — сувениры подземной жизни.

У нас был сарай, в котором взрослые с непонятной мне целью стучали молотком по кускам дерева. Для меня этот сарай был местом, где я мог спрятаться. В моих фантазиях он превращался в космический корабль, замок или подводную лодку. Две старых железнодорожных шпалы, что лежали в нашем маленьком дворе, служили мне парусным судном, и с его борта я часто ловил акул, что жили в трещинах бетона. У нас был участок земли, где росло несколько хризантем. Жизнь их была недолгой — в одну из Ночей костров¹ они сгорели дотла, подожженные сбившимся с траектории фейерверком.

Домашних животных у нас не было, за исключением золотой рыбки по имени Питер, которая прожила подозрительно долго.

---

¹ Ночь костров (также Ночь Гая Фокса) — традиционное для Великобритании ежегодное празднование (но не государственный праздник) в ночь на 5 ноября.

Но что у нас было, так это... телевизор. Его присутствие полностью изменило направление моего раннего существования. Через линзы телевизионного экрана — семь или восемь дюймов в поперечнике, с зернистым черно-белым изображением — в наш дом вошел большой мир. Телевизор работал на клапанах, и ему требовалось несколько минут, чтобы разогреться, а когда его выключали, свечение экрана начинало медленно затухать — само по себе неповторимое и уникальное зрелище, за которым было очень интересно наблюдать. Некоторые люди приходили к нам в гости не для того даже, чтобы посмотреть передачу, а только чтобы полюбоваться этим свечением и погладить экран — таким вот мистицизмом обладал наш телевизор. На его передней панели располагались похожие на инструменты оккультиста кнопки и циферблаты, которые нужно было крутить, словно дорожки кодового замка, чтобы настроиться на один из двух доступных каналов.

Информацию о внешнем мире — то есть обо всем, что находилось за пределами Уорксоба — мы главным образом получали из слухов и сплетен, а также из газеты Daily Mirror. После прочтения газету всегда использовали, чтобы разжечь огонь, и обычно я узнавал новости через два дня после их появления, аккурат перед тем, как они отправлялись в преисподнюю. Помню, когда я прочитал заметку о том, что Юрий Гагарин стал первым человеком, отправившимся в космос, то долго смотрел на его фотографию и думал: как же такое можно сжигать? Я сложил страницу в несколько раз и сохранил ее.

Если нужной информации не находилось среди сплетен или в старой газете, в окружающий мир нужно было позвонить. Большая красная телефонная будка служила для всего района рассадником кашля, простуды, гриппа, бубонной чумы — назовите как угодно, и вы угадаете. В часы пик там всегда толпилась очередь. Чтобы сделать звонок, нужна была адская комбинация нажатий кнопок и поворотов циферблата, а для долгих разговоров приходилось брать с собой ведро с мелочью. Это было похоже на очень неудобную версию Твиттера, где количество разрешенных слов было нормировано заплаченными деньгами, а разговаривать приходилось, стоя под мстительными взглядами еще двадцати человек из очереди, ждущих, когда наступит их черед прикоснуться губами к пропахшему дымом и покрытому чужой слюной мунд-

штуку телефонной трубки и приложить к уху ее покрытый потом и волосами противоположный конец.

Живя в Уорксопе, следовало соблюдать определенные правила поведения, но общий этикет уличного общения был весьма расслабленным. Было мало преступлений, а автомобильное движение практически отсутствовало. Если моим бабушке или дедушке нужно было куда-нибудь отправиться, они шли пешком или садились на автобус. Идти на работу пять или десять миль через поля было просто их привычкой — и я тоже это делал.

Вся наша окрестность постоянно находилась в состоянии поочередной работы. Если днем занавески на верхнем этаже чьего-то дома были плотно задернуты, это означало: «Шагайте потише — шахтер спит». Задернутые шторы возле входа говорили: «Проходите мимо — здесь лежит покойник в ожидании вскрытия». Если верить моей бабушке, эта отвратительная практика была довольно популярна. В полной, смертельной тишине я сидел в нашей передней комнате — всегда холодной, украшенной деталями конской сбруи и подсвечниками, которые постоянно нужно было полировать, — и представлял, где может лежать мертвое тело.

Но в течение вечера атмосфера менялась, и дом превращался в оживший мультфильм Гэри Ларсона. В нем внезапно разворачивалась настоящая парикмахерская, со складными стульями и обилием синего цвета, гудевшая, как пчелиный улей. Женщины с широкими коленями и полиэтиленовыми пакетами на головах долго сушили волосы под нагревательными лампами, а бабушка завивала их локоны горячими щипцами, от чего комнату наполнял ужасный запах мокрых волос и дешевого шампуня.

Моим спасением от всей этой рутины был мой дядя Джон. Он существенным образом повлиял на мой выбор дальнейшего жизненного пути.

Начать стоит с того, что он не был моим родным дядей. Он доводился мне крестным отцом и был лучшим другом моего дедушки. Он служил в Королевских военно-воздушных силах и участвовал в войне. Перспективный парень из рабочего класса, он попал в сети расширения ВВС, где требовался целый ряд редких технологических навыков, и стал одним из учеников Тренчарда¹. Работав-

---

¹ Хью Монтегю Тренчард (1873–1956) — британский военачальник, маршал Королевских ВВС (*прим. перев.*).

ший инженером-электриком во время осады Мальты старший сержант авиации Джон Букер пережил некоторые из самых жестких бомбардировок острова, который Гитлер стремился сокрушить любой ценой.

У меня сохранились его медали, а также выданный ему на службе экземпляр Библии, в которой были особо отмечены строчки, что могли поддержать моральный дух в минуты, когда события становились особенно мрачными. Сохранились фотографии, на одной из которых он запечатлен в полном летном обмундировании, собирающийся «за компанию» отправиться в ночной рейд британской авиации. Поскольку он был членом наземного персонала, ему совершенно не нужно было в этом участвовать, и он поступил так только ради острых ощущений.

Пока я сидел у дяди на коленях, он потчевал меня историями о самолетах. Он разрешал мне потрогать свои любительские авиамодели: посеребренный Spitfire и латунный четырехмоторный Liberator, диск пропеллера которого был выплавлен из плексигласа с настоящего сбитого Spitfire, а зеленая фетровая подкладка, на которой покоилась модель, была сдана из покрытия бильярдного стола, которое дядя взял в разбомбленном клубе на Мальте. Он говорил о дирижаблях, об истории машиностроения в Великобритании, о реактивных двигателях, бомбардировщиках Vulcan, морских сражениях и летчиках-испытателях. Вдохновленный его рассказами, я, как и многие другие мальчики моего поколения, часами сидел, мастера модели самолетов, подолгу возился, наклеивая опознавательные знаки. Позднее появилась возможность делать это с помощью переводных картинок, что было значительно удобнее. То, что моим пластмассовым пилотам вообще удалось выжить в бою, было настоящим чудом, учитывая, что их тела были целиком измазаны клеем, а парашюты покрыты отчетливо видными отпечатками моих пальцев. Удивительно, но модельная мастерская в Уорксопе, в которой я создавал свои пластмассовые BVC, стояла на своем прежнем месте, когда я в последний раз приезжал туда по случаю похорон моей бабушки.

Поскольку дядя Джон был человеком технического склада, он обустроил себе собственный пруд размером с водохранилище Мёнезе¹, полный золотых рыбок породы красная оранда и ис-

---

¹ Водохранилище на реке Мёне в западной Германии (прим. перев.).

кусно защищенный проволочной сеткой. Дядя ездил на превосходной машине марки Ford Consul, которая, конечно же, всегда находилась в безупречном состоянии. Именно эта машина привезла меня на первое в моей жизни авиашоу в начале шестидесятых, во времена, когда здоровье и безопасность считались ценностями слабаков, а термин «шумоподавление» еще даже не вошел в обиход.

Сотрясающие землю самолеты вроде «Вулканов» запросто могли снести своими гигантскими дельтовидными крыльями, когда выполняли вертикальный крен, а истребитель English Electric Lightning, фактически являвший собой сверхзвуковой фейерверк с оседлавшим его человеком, летал задом наперед, почти втыкаясь хвостом во взлетно-посадочную полосу. Мощные штуковины.

Дядя Джон познакомил меня с миром машин и механизмов, но столь же сильно меня привлекали и паровозы, которые в ту пору все еще ездили туда-сюда через уорксопскую железнодорожную станцию. Пешеходный мост и вокзал с тех пор практически не изменились и сейчас выглядят точно так же, как во времена моего детства. Готов поклясться, что там все еще есть те самые бревна, на которых я стоял, когда был маленьким мальчиком. Окутывавшие меня облака дыма, пара и пепла смешивались с тягучими испарениями битума, и эта адская смесь жалила мои ноздри. Недавно я ходил до станции и обратно. Путь показался мне чертовски долгим, но в детстве я не обращал на это внимания. Там все еще можно почувствовать те самые запахи из прошлого.

В мгновение ока я превращался в машиниста паровоза, а потом — в боевого летчика, а если мне это наскучивало, всегда можно было стать астронавтом — по крайней мере, в моих мечтах. Ничто, случившееся с нами в детстве, не исчезает бесследно.

Но однажды веселье должно было закончиться — и вот я пошел в школу. В местную мэнтонскую начальную школу для детей шахтеров. До того как ее закрыли, она прославилась на всю страну через газету Daily Mirror как школа, в которой пятилетние дети избивали учителей. Что ж, не припомню, чтобы я сам принимал участие в чем-то подобном, но однажды мне были дарованы крылья, а также уроки бокса после скандала насчет того, кому достанется роль ангела в рождественской постановке. Я очень хотел получить эти крылья, но вместо этого получил хорошую взбучку в драке, которая продолжилась за воротами школы.